

Накануне славного юбилея

подлинным другом народов своей страны и всего мира, народов больших и малых. Автор повести, выпущенной в связи со столетней годовщиной со дня рождения поэта и конфискованной царским правительством, имел полное основание сказать о великом поэте: «Написав сто тысяч строк, Пушкин не написал ни одной, которая могла бы обидеть какое-либо племя». С братским сочувствием следил за борьбой славянских народов за свою независимость, за национально-освободительной войной в Греции. С негодованием писал Пушкин о бесчеловечной американской политике «меча и огня» по отношению к индейским племенам, о рабской доле негров.

Пушкин — родоначальник новой русской литературы, самой передовой и демократической литературы мира, вдохновитель великими идеями патриотизма, свободной любви, народности и интернационализма. Непрережимым законом для этой литературы стал реализм, верность действительности, глубокая жизненная правда. Произведения Пушкина во многом подготовили эстетику Белинского, Чернышевского и Добролюбова, знаменем которой было создание боевого искусства, ведущего борьбу за идеалы народа.

Мысль Пушкина всегда была обращена вперед, в будущее. Поэт не знал конкретных путей к счастью своего народа. Но видел тьму николаевской реакции он вывел еще в ясные очертания России заграничной, освобожденной, России будущего.

Советская действительность далеко опередила самые смелые, самые дерзкие мечты поэта о свободе и счастье Родины. Возшла заря пленительного счастья, Россия восприняла от нас, и освобожденные народы навсегда в великую семью соединились.

В эту великую семью народов советской страны Пушкин навсегда вошел, как самый любимый поэт, друг и современник. День 150-летия со дня рождения поэта — праздник и торжество всей нашей многонациональной социалистической культуры.

Наша страна торжественно готовится к этому радостному юбилею. На пушкинских чтениях и конференциях в Москве, Ленинграде, Киеве, Новом и других городах ученые делают своими новыми размышлениями и исследованиями о Пушкине. Профессиональные театры и коллективы художественной самодеятельности проводят последние репетиции пушкинских спектаклей. Работники музеев и выставок любовно и тщательно собирают все, что связано с дорогим именем Пушкина, — рукописи, книги, картины, заканчивая последние приготовления к приему сотен тысяч посетителей. В городе Пушкине восстанавливается прекрасное здание Александровского дворца, разрушенного фашистами. Здесь открывается огромный музей имени А. С. Пушкина.

В рабочих и колхозных клубах, во дворцах культуры проводятся многочисленные доклады, лекции, беседы, посвященные творчеству великого поэта.

Миллионными тиражами выходят новые издания пушкинских произведений на русском, белорусском, украинском, грузинском, казахском, киргизском, армянском, молдавском, татарском, таджикском, болгарском и многих других языках народов нашей Родины. Готовятся к изданию полное собрание сочинений Пушкина на азербайджанском и литовском языках. Заключен полный перевод на армянский язык «Евгения Онегина». Писатели Казахстана, продолжая дело, начатое Абаем, стремятся передать в своих новых переводах всю красоту, силу и благородство пушкинского стиха.

Оживленная подготовка к пушкинскому юбилею развернулась в странах народной демократии — в Чехословакии, Болгарии, Польше, Абхазии, Венгрии и Румынии. Едет подготовка нового издания полных собраний сочинений Пушкина, а также переводных чехословацкими писателями. Комитет подготовки пушкинского юбилея в Чехословакии готовит в подарок Пушкинскому музею СССР все издания переводов Пушкина и фотокопии рукописей. Народная опера в Софии ставит «Евгения Онегина», «Наковню даму» и другие оперы. Большая выставка организована в Бухаресте. В Будапештской городской библиотеке открывается выставка «Пушкин в Венгрии». Новые издания Пушкина выходят в Польше.

Мы трудимся и боремся сегодня на подступах к коммунизму. В этом великом походе в будущее, героической борьбе советских людей за счастье всего трудового человечества — в наших рядах вечно живую Пушкин, гениальный русский поэт, великая гордость и радость советского народа.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 41 (2528)

Суббота, 21 мая 1949 г.

Цена 40 коп.

ПЛАМЯ ЖИЗНИ

Недавно колхозники артели «Пламя» Малнинского района, Московской области, праздновали 20-летие своего колхоза. Счастливые, народные, они прошли по улицам села, по дороге в школу, на торжественное собрание. Со всех сторон село и поля обступили березовые рощи — весна зажгла в них зеленое радостное пламя листьев, как бы подчеркивая праздничное настроение людей.

20 лет — это целая эпоха, знаменующая собой поворот, могучее движение многомиллионных крестьянских масс в сторону новой жизни; это проверка на крепость социалистической системы хозяйства и колхозного строя; это яркое подтверждение правильности гениальных сталинских предначертаний. 20 лет назад была поднята целина крестьянской жизни, полной нищеты, вековой нужды, голода, бедствий. Крестьяне села Авдотьино первые в районе объединились в артель, любовью и трудом завоевали почетное звание место. С самого начала и по сей день и руководителем этого артели является Евдокия Терентьевна Егоровна, попорту «баба Дуляна», человек большого сердца и государственного ума, которая прожила на свете уже три четверти века.

Школьный духовой оркестр исполнил гимн. Люди стояли с пожелтевшими лицами, полные гордого сознания, что это они по указанию и под руководством партии построили новую

жизнь, вдохновенным творчеством и силой рук своих превращают советскую землю в цветущий сад.

На трибуну один за другим поднимались ораторы: комсомолец сменил старейшую колхозницу-свиначку, агроном — секретаря райкома партии. Вздвинуто и горячо говорили они о прожитых в одной семье годах, о преодоленных трудностях, о единстве целей, спавших людей в прекрасно организованной трудовой организации.

Всю свою силу и умение Евдокия Терентьевна отдала родному колхозу. И собрание вынесло решение — выделить ей пожизненную пенсию — 350 трудовых в год, если она по старости не сможет руководить колхозом и уйдет на покой. Колхозники преподнесли ей юбилейный подарок — радиоприемник, а райком партии — именные часы.

Евдокия Терентьевна вышла из-за стола, маленькая и седая, в платке, завязанном по-крестьянски, посмотрела в зал, как смотрит мать на своих детей, и поклонилась всем низко, до земли — кланяться народу никогда не стыдно, — прошептала «спасибо» и заплакала. А люди стояли вокруг нее и хлопали в ладоши: они любят ее за мудрость, за бескорыстие, за чуткую заботу о человеке, за преданность общему делу.

Евдокия Терентьевна взошла на трибуну, положила перед собой руку и негромко, но внятно и проникновенно произнесла свои речи.

Александр АНДРЕЕВ

Речь Евдокии Терентьевны Егоровой, произнесенная ею на торжественном собрании, посвященном двадцатилетию колхоза

Нашему колхозу исполнилось 20 лет — возраст хороший.

И вот я, старшая в семье, — бесменный председатель этого колхоза, — хочу поделиться в этот большой для нас день мыслями, которые передумала за свою долгую и, скажу не таясь, трудную жизнь, — мне уже исполнилось 74 года.

Нет милее, дороже, надежней того счастья, которое приходит трудовой дорожкой, добываясь своими руками, родится в работе, в муках, в бесповоротности. Испокон века между человеком и счастьем лежала пропасть. Теперь у нас этой пропасти нет — советский человек достиг своего счастья, сросся с ним и стал он в мире всех краше. Советскому крестьянину моет через эту пропасть перекинуть мостик.

Много было сказано хороших слов на нашем празднике. Но мне, старой женщине, особенно по душе пришлось слово секретаря нашей комсомольской организации Дуся Дроздовой, ровесницы колхоза. Она сказала, что она — молодежь — не знает нужды, живет в довольстве, что они благодарят своих отцов и матерей, которые создали этот колхоз, и партию благодарят, товарища Сталина за то, что он посоветовал и помог крестьянству создать колхозы и указал путь к зажиточной жизни.

Верно, мы живем сейчас в довольстве, у нас все есть. У нас есть земля — на века вечно есть. Среди березовых рощ раскинулось село Авдотьино — коллективное наше хозяйство, можно сказать, поместье: избы под железом, сусеки в амбарах полны хлеба, на дворах — много скота, в поле работают машины. Детки наши обуты, одеты, сыты, учителя учат их уму-разуму...

И вот я хочу сказать: не по-чуждому вдовлено все это у нас отчужденно, не на белом коне да на золотой колеснице вехали мы в наше царство... Нет! Двадцать лет назад мы свели в колхоз с восьмью дворами три лошадины да две коровки — весь достаток, все богатство прежнего крестьянского хозяйства. Да и тут скотину некуда было загнать.

С атм и начали жить. И видится теперь мне живня наша так: будто долго, трудно, терпеливо подымались мы на извозок, и вот вышли на венец — и открылось вдруг перед нами все, стало ясно на все четыре стороны, куда ни повернешь, и увидели мы нашу жизнь, может, на сто годов вперед. Хорошо!

Мне особенно радостно говорить об этом потому, что я, русская женщина-крестьянка, пережила и повела на своем веку много того, чего не пережила молодежь: жизнь перенесла меня через три больших переката — я знаю жизнь дореволюционную, знаю жизнь советскую довоенную, и вот — теперешнюю.

Встану я рано, выйду утречком из избы, а над землей вроде как синий дым стелется. А березы, яблоня, как невесты убранные, на листочках капли росинки светятся. И все ждет, когда солнышко выляжет, чтоб заиграла, засмеялась. А солнце только лучи за лесом натянуло вроде основы, — на, так, мол, народы, украшай землю! И слышно в тишине, как машины выезжают в поле, моторы гудят...

Все это я заметила только сейчас, на склоне лет. В молодости некогда было любоваться красотой.

Мои родители — крестьяне из бывших крепостных. Одинадцати лет остался сиротой, сумела окончить трехклассную сельскую школу и считалась грамотной. Другие дети и этого не могли. После школы — одна тропа: пошла горе мыкать. Мотала шушарки на ткацкой фабрике за гривенник в неделю. Рано подружилась с русской сохой-Андреевой, с серпом, да о косяк: придешь домой, руки не знаешь куда деть — ноль, бровей. Выдавали мне ошкеры против моей воли выдали меня замуж за вдовца, работник был хороший, да воля сугубая. Вот теперь и меряю — чего было больше в женской доле: нужды, труда или слез. Всего было вдовство, хоть отбавляй. И неоткуда было ждать помощи: каждый жил для себя, каждый рвал себе. Дети пошак — их надо

было растить, кормить, поить, воспитывать. Одним словом — висела над головой туча, закрывала свет, и думалось, никогда не просияет.

Но ударил гром — пришла революция! Трудно мне выразить, что да за советская власть женщине. Мужские без советской власти тоже трудно, но он — мужчина, он окрепче, похвасте. А женщине без советской власти — темнина, каторга. Несмотря на то, что мне 74 года, днем своего рождения я считаю Октябрь 17 года.

В 1918 году крестьяне выбрали меня членом сельского совета, а через год — председателем. В 1920 году мне повеселилось видеть Владимира Ильича Ленина. Это было в Большом театре на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии. Владимир Ильич все ходил по сцене туда-сюда и все говорил: объяснял нам международную обстановку.

Всего я, конечно, не могла запомнить. Но одно я запомнила на всю жизнь: «...советность раздвигает и превращает людей в зверей, а труд объединяет», — сказал Ильич.

Да, теперь я вижу, — труд объединяет людей, роднит их.

Вплоть до 1930 года находилась я на посту председателя сельсовета. С 1927 по 1929 год входила в рабоче-крестьянское правительство, была членом ВЦИК. Работа в совете, я видела горемычную жизнь односельчан, видела, как бьются они со своей мужичьей нуждой, — она, нужда-то, как оседает, так ее не скоро скинешь с плеч, — делала одну ошибку на три двора. И я поняла — надо объединяться в товарищество.

В это время из района в село приехал представитель, большой души человек, коммунист. Создал мы людей и объявил: кто хочет жить по-новому, работай артельно — запишешься. Вот тут и началось... Слово через пальное ушко, проходили люди в артель — со вздохами, с оглядкой. Мужики прикидывали: «Выйдет ли резон из этой затеи, не просчитаться бы: на свете нет такой модели — колхоза, — чтоб примерку снимать. Самим придется мастачить». А я говорила: а для советской власти снимаю мерку? Училишь у кого-нибудь? На свете не было советской власти. Сами построили. И колхозы мы построим сами, а с нас пусть потом примерки снимают.

Все-таки артель мы сколотили. Землемер отрезал нам землю. С того мы и начали жить. Долго спорили: какое имя дать колхозу. И порешили назвать — «Пламя», с таким пониманием, чтобы в огне этого пламени до тла сгорело все проклятое прошлое, нищенский крестьянский удел, горемычная бабья доля, безграмотность и отсталость в культурном отношении. И чтобы оно, это пламя, осветило нашу новую жизнь. Первое время это, конечно, было не пламя, а только маленький язычок — 8 дворов. Но со временем оно разгорелось в целый костер. Костер этот зажжен рукой нашего дорогого вождя, и пламя его не затухнет никому!

Первое время по-разному пробовали управлять колхозами. Был такой случай, когда в одну артель свели 8 деревень — куст. Вот и сидела я в этом «терновом» кусту, не зная, как все охватить, как приглядеться. Но вскорости этот куст разделили, и я взяла колхоза повольготнее.

Дерево, посаженное нашими руками в годы сплошной коллективизации, глубоко пустило в землю корни, разрослось, шумит над головой, приносит плоды.

Когда оглянешь назад да помотришь на все, через что прошли, гордость охватывает. Как мы только сумели осветить это тогда? Но мы взяли, и сделали! Где ошибались — партия поправляла, где чего выходило — партия хвалила. Без большевистской партии мы не смогли бы свершить такую работу.

Мы обменивались опытом, подсказывали, поощряли и соревновались на лучшее показатели. Каждый год у нас чем-нибудь да отмечен: то свиначки построили, то конюшню, то силосную башню заложим, автомашину приобретаем.

В 1936 году на совещании передовиков животноводства с руководителями партии и правительства в Кремле я встречалась с товарищем Сталиным. Преставьте мою радость и гордость: в начале зарождения советской власти я видела нашего дорогого вождя коммунистической партии — незабвенного Владимира Ильича Ленина. А в этот раз я увидела его верного друга, сподвижника и продолжателя его дела — Иосифа Виссарионовича Сталина. И скажу одно: много на земле живет людей, народностей, но среди всех этих людей самый мудрый, самый большой, самый любимый человек — Сталин. И он — наш, советский. В нем вся правда, все наше счастье — каждое слово его надо помнить и выполнять. А находиться в партии, которой он руководит, — большая для меня честь.

На совещании после своего выступления я пошла товарищу Сталину руку и передала от колхозников поклон, и Молотов поклонился, и покойный М. И. Калинин, и маршал Ворошилов. По предложению товарища Сталина ЦК наградила животноводов орденами. Я получила орден Трудового Красного Знамени.

Самое дорогое у матери — дети. У меня было три сына, два учителя. — Алеша и Вася, а младший, Иван, был еще студентом. Теперь у меня нет ни одного — все погибли на войне. Пойми горе и муки матери, у которой от сердца отрывают живые куски: известия приходило одно за другим и развали в самое сердце. Нет, не слезами утешала я себя, — слезами горе не залыщешь, — а трудом заглушала я свою боль. Работала днем и ночью, чтобы колхоз давал больше продуктов для родной Красной Армии, для Родины.

Еще в 1920 году Ленин сказал, что Черчилль — самый большой ненавистник Советской России. И вот сейчас прошло только четыре года, как кончилась война, а Черчилль опять, как чертый ворон-стервятник, высматривает добычу — наших детей. Буль он тражды проклятый, изверг рода человеческого!

Изю дня в день будем работать еще крепче, дружнее, чтобы сделаться богаче и сильнее. Хозяйство наше не застывает, лет вперед, довоенный уровень для нас уже маловат.

В колхозе подросла новая смена мастеров высоких урожаев и животноводства. Михайлова, Шаронова, Воробьев, Никулин, Сальников, Мухина, Касаткина, Потаева, Завьялова, Захарова, Степанова — актив, лучшие труженники колхоза.

Я вспоминаю весну 1929 года и нынешнюю весну. Далеко мы ушли! Мы давно ввели девятипольный севооборот. Ученый, агроном в колхозе — теперь не диковинка, не гость. Нет, он сидит теперь с нами на одной скамейке, и вместе мы решаем судьбу урожая: он учится у нас, мы — у него. Теперь мы не ждем милостей от земли, а приказываем ей: роди! И она родит.

У нас теперь есть свои механики, агрономы, зоотехники, садоводы, пчеловоды, электрики. Мы построили электростанцию на реке Северке. Лампочка Ильича зажглась в крестьянской избе, в чулане, на дворе. На электроэнергию переведены молотилка, сортировка, мельница, плочара.

Весну встретили хорошо: во-время посеяны шевцана, овес, ячмень, вика, горох, посадили картошку. Выесть 79 гектаров по плану, засеяли 105: расплахали целинные земли. На двадцать первом году существования колхоза мы решили снять самый высокий урожай. И мы снимем!

Милые мои люди, за двадцать лет мы так сроднились, что у меня нет ничего дороже вас... Сколько было пережито трудностей! И так мы сдружились, сроднились, что нам теперь друг без друга никак невозможно.

События ленинские заветы: труд объединяет советских людей. Мы обменивались вокруг товарища Сталина — и низкая сила не раздвигает нас. Пламя колхозной жизни не погаснет никогда.

Закончилась декада казахской литературы

Президиум Союза советских писателей СССР на заседании, состоявшемся 19 мая, подвел итоги декады казахской литературы в Москве. Председатель Союза советских писателей Казахстана С. Муканов отметил, что декада принесла неограниченную пользу казахским писателям. Творческое, непримиримое обсуждение произведений казахских писателей, проведенное в дни декады, помогло им яснее осознать недочеты, еще присущие казахской литературе. Президиум Союза советских писателей СССР поручил бюро национальных комиссий и комиссии казахской литературы представить для утверждения план издания в Москве новых книг казахских прозаиков, драматургов и поэтов.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. П. Омаров по поручению Президиума Верховного Совета Казахской ССР отдал Указ Президиума о награждении грамотами большой группы русских писателей за постоянную братскую помощь, оказываемую ими казахским писателям в их творческой работе.

Вечером того же дня в Колонном зале Дома союзов состоялся заключительный вечер декады. В президиуме — секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Ж. Шахметов, председатель Совета Министров Узбекской ССР тов. А. Абдурахманов, заместитель председателя Совета Министров Казахской ССР тов. И. Шарипов, писатели М. Ауэзов, С. Муканов, народные акыны Казахстана Нуртай, Нурбайек, Кенен и другие. Вечер открыл И. Тихонов, который горячо поблагодарил участников декады и пожелал им дальнейших успехов.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. П. Омаров сделал доклад о казахской литературе. Ученые казахской советской литературы достигли благодаря мудрой национальной политике большевистской партии, советского правительства и вождя народов товарища И. В. Сталина, благодаря бескорыстной, постоянной помощи великого русского народа. Учеба у русских писателей прошлого и у современной русской советской литературы помогла казахским литераторам достичь столь значительных успехов.

Завтраца в честь великого вождя, любимого учителя советского народа товарища И. В. Сталина, который закончил свое выступление тов. П. Омаров, вызвала у собравшихся бурную овацию.

Свои стихи читали, тепло встреченные собравшимися, А. Токмагамбетов, Х. Бекхожин, Т. Жароков. Народный акын Казахстана Нурбайек продел повсюду пеструю прозаическую о Москве, о старшем брате казахского народа — русском народе, о великом гении человечества И. В. Сталине. В заключение состоялся большой концерт, в котором приняли участие виднейшие работники культуры Казахской ССР.

Ученые об открытии мастера В. С. Пятова

В Московском ордена Трудового Красного Знамени институте стали имени И. В. Сталина состоялось заседание научных работников кафедры прокатки, на котором обсуждались материалы о мастере В. С. Пятове (см. «Литературную газету» №№ 39 и 40 от 14 и 18 мая).

Соборение сделал член-корреспондент Академии наук СССР проф. И. М. Павлов. — До замечательного открытия русского мастера мир, как известно, знал лишь прокат тонких листов кровельного железа, — заявил он. — Для того, чтобы задумать и практически осуществить прокат тонких броневого листа, нужна была большая техническая смекалка, нужно было создать совершенно новые машины.

Это было настоящей революцией в прокатном деле. И эту революцию совершил наш русский мастер! Однако шло к собравшимся здесь людям, все живое занимавшимся прокаткой, даже имени Василия Пятова не слышали никогда. Я ознакомился с заграничными трудами по этому вопросу. Там Браун упоминает в трех местах. А о Пятове, разумеется, нет ни слова.

Доцент тов. П. Громов отметил в своем выступлении, что случай с присвоением русского открытия, сделанного В. С. Пятовым, не единичен и что метод присвоения вообще характерен для многих иностранных «открытателей».

— Достаточно вспомнить, — сказал он, — историю паровой машины голландского русского самородка Ивана Ползунова. И здесь роль агентов иностранного капитала сыграла «комиссия» академики Фальк и Паллас, которые едлали на Алтай, чтобы дать отрицательный отзыв об изобретении Ползунова. А через несколько лет двухцилиндровая оседействующая машина, полностью повторяющая ползуновскую, появилась в Англии. И фамилия заводчика, построившего ее, была... Фальк. В прениях выступил директор института В. Елютин, доценты В. Северенко и В. Ланге, аспиранты П. Костычев и И. Астахов. В результате обстоятельного обсуждения принято решение о том, чтобы название имя русского мастера-самородка Василия Степановича Пятова сделать известным широкому массам народа. На очередном заседании кафедры прокатки будет поставлен совместно с комиссией по истории техники Академии наук СССР подробный доклад о Пятове. Так как во время составления учебных программ для металлургических вузов работы В. С. Пятова еще не были известны, решено связаться с Министерством высшего образования СССР и включить теперь имя и работы Пятова в программы вузов.

На заседании комиссии по истории техники Академии наук СССР, состоявшемся 17 мая, с большим интересом было заслушано сообщение об опубликованных материалах и документах, утверждающих бесспорный приоритет изобретения русского мастера В. С. Пятова в деле открытия нового метода проката броневого листа. Председательствующий академик Б. П. Юрьев отметил значение опубликованных материалов о В. С. Пятове, как большой вклад в историю нашей отечественной металлургии, и указал на необходимость дальнейшего изучения всего, что связано с деятельностью талантливого русского изобретателя В. С. Пятова.

Издание произведений А. С. Пушкина в СССР

Пушкин дорог и близок всем народам Советского Союза. Произведения поэта за годы советской власти были изданы в СССР на 76 языках тиражом 41,5 миллиона экземпляров. До Октябрьской революции произведения А. С. Пушкина выходили всего лишь на четырнадцать языках.

Интересно отметить, что в числе 76 языков, на которых выпускались в Стране Советов творения великого русского поэта, — двадцать пять принадлежат народам, получившим письменность только при советской власти.

Произведения А. С. Пушкина выпускались в самых разнообразных изданиях: многочисленные собрания сочинений, отдельные, сборники избранных произведений, отдельные издания поэм, сказок, повестей, специальные сборники для детей и т. п.

За годы Советской власти полные собрания сочинений великого поэта издавались девять раз.

Одотомик сочинений А. С. Пушкина издавался на русском языке 16 раз общим тиражом до полумиллиона экземпляров. Сочинения А. С. Пушкина в двух и трех томах, кроме русского языка, выходили на азербайджанском, армянском, грузинском, казахском, узбекском, украинском языках. На 36 языках издавались избранные сочинения Пушкина. В числе этих языков — бурятский, даргинский, коми, кумык-

ский, лезгинский, марийский — горный и луговой, осетинский, табасаранский, чувашский, шорский, якутский. Сборники сказок издавались на 37 языках, в том числе — на алтайском, бурятском, дунганском, удмуртском, на языках народов Севера — нанайском, ненецком, нивхском, хантыйском, эвенкийском и т. д.

112 раз издавалась повесть «Капитанская дочка» (общий тираж — 2,134 тысячи экземпляров на 44 языках); 89 раз — повесть «Дубровский» (тираж 1,795 тысяч экземпляров на 42 языках); 47 раз — «Повесть Белкина» (тираж 1,729 тысяч экземпляров на 20 языках).

Роман в стихах «Евгений Онегин» выходил в самостоятельном издании 49 раз тиражом свыше двух миллионов экземпляров на 11 языках. Тиражом в 6,6 миллиона экземпляров 210 раз выпускались на 48 языках в самостоятельных изданиях сказки Пушкина.

Произведения великого русского поэта стали достоянием всех народов СССР и проникли в самые отдаленные уголки нашей необъятной родины.

К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина издательство Академии наук приступило к выпуску нового десятилетнего издания сочинений поэта. В текущем году должны выйти в свет все 10 томов. Госиздат выпускает новое издание сочинений в 6 томах.

Разговор об унылой машине

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ВЫРАЗИТЕЛЬ НАРОДНЫХ ДУМ

К 80-летию со дня рождения Сулеймана Стальского

В Пензу я приехал, побывав на Урале, в крае заводов-отцов, заводов-учителей, старших и младших братьев семьи отечественной промышленности.

Всегда не оторвется в памяти впечатление от Челябинского трубного завода, на котором обычная стальная болванка почти без приложения человеческих рук превращается в цельнотянутую тридцатиметровую трубу. Такие заводы с механизацией, автоматизацией — первые зачатки большой весны коммунизма.

В Пензе, на велосипедном заводе, как и на предприятиях Урала, можно увидеть много нового и интересного. Равные, например, отделы технического контроля затрачивают много времени на то, чтобы проверить детали сложной конфигурации. Применяли десятки измерительных приспособлений, изобретенных специально для этой цели. Теперь детали можно выдать в бункер прибора, как зерно в ведро, и светопрозрачное «электро-ОТК» молниеносно отсортирует и измерит их.

Побывав в цехах, я зашел к директору завода Евгению Ивановичу Бутузову. В завязавшейся беседе он с увлечением рассказывал о борьбе конструкторов за автоматическую сварку узлов велосипедных рам; об автоматизации хромирования, контроля и о многих других операциях, через которые, рождаются, проходит велосипед.

Не подумайте, что я хвастаюсь. Добавил Евгений Иванович, — но наш пензенский велосипед уже достиг отличных ходовых и механических качеств. Пока директор завода пропозировал эти слова, я рассматривал отделив металлической дверцы негостевого шкафа, стянутого в кабинет.

Красиво! — заметил я. Не знаю, — удивился тов. Бутузов моей непоследовательности. — Но какое отношение это имеет к велосипеду? — Большое, Евгений Иванович. Директор повел, куда клонится речь, и сразу согласился:

Да, мы плохо окрашиваем наши велосипеды, — взор директора затуманился, — об этом нужно говорить. Нужно критиковать нас.

Это мы сделаем... Но разве вы-то сами, положив руку на сердце, не знаете, что пензенский велосипед скучен, как дождь осенью.

Это не совсем деловой разговор, — попытаться возмутиться директор, — поучают-то машину, а не окраску...

Потом, подумав, решил оправдаться. — Я ведь недавно назначен сюда.

Напомним, однако, что до этого нынешний руководитель предприятия был парторгом завода. Разве парторг завода товарищ Бутузов в свое время не слышал, что говорит о велосипеде главный критик — потребитель? Слышал! Знал! Значит, новый директор был вполне подготовлен к борьбе за качество, за отставку издевала, носящего марку завода. Все дело в том, что, занявшись разрешением крупных для предприятия проблем — автоматизации потока и других, — люди на заводе забыли о том, что казалось им мелочами, а в действительности было далеко не маловажным для репутации завода и его продукции.

Евг. ПЕРМЯК

Художник со вкусом, с опытом, с извещением надеждой подобрать для машины красивую расцветку. Ведь трафарет велосипедов пензенского завода превосходит трафарет ходовой книги. Битум мы оформляем, прилагая художника, и наверняка есть смысл пригласить художника, чтобы придумать о внешнем виде велосипеда.

Мы сомневаемся также в том, что велосипед следует называть «Харьков» или «Пенза». Можно было бы, конечно, назвать машину «Пензяк». Но вряд ли привлечет покупателя такое название. Молодежная машина имеет право на романтическое название: «Молния», «Стрела», «Ласточка». Ведь право же, нужно, когда говорят: «Я на Пензе езжу, а Грisha на Харькове».

Смешно звучит рассказ работников Пензенского велосипедного завода о том, как при помощи свечки здесь «срамзамораживают» единичные образцы машин. И рассказывают, как об откатили! И это очень грустно, ибо здесь кончается юмор и начинается скудоумие. В самом деле: считать ли эту кустарную достигаемость? На наших автомобильных заводах ведь отлично окрашивают металл. Может быть, стоит поспешить из Пензы в Горький или Москву и узнать, как это делается?

Слушая уверения директора завода о том, что на предприятии «думают о раскраске», я удивлялся: неужели «думающим людям» никогда не было страшно смотреть на технологию окраски рамы и ободов? Неужели они не содрогнулись, глядя на человека, «окунающего» велосипедные рамы в бак с подогретой краской асфальтового происхождения и выпускающего «траурные велосипеды»?

Я видел, как краска заливает пустоты рамы-трубы, потом стекает в канавку и, медленно густея, течет обратно в черную канавку. Потери огромны. Расходы чудовищны. Качество позорно.

Неужели инженеры, разработавшие сложнейшие процессы изготовления велосипеда, не знают, что выцвет красит при помощи аэрозольного «пистолета», который безостановочно стреляет цветным думом, состоящим из микродождей мельчайших брызг? Знают. Они знают и камеру-автомат, где стоит цветовой катодный «туман»; прохода через этот «туман», вещь приобретает цвет. Неужели нельзя перейти к новым, передовым способам окраски? К липу ли предприятие, оспаривающему многих во многом, такие первобытные способы окраски готовой продукции?

А упаковка? Пяток обитых дощечек... Это ли упаковка? Кто отвечает за неизбежные парашиты при транспортировке в такой таре? Не правильно ли, затратив сотни рублей на изготовление каждого велосипеда, израсходовать еще две копейки и обмотать готовую машину бумажной лентой? Руководство пензенского завода отлично знает, что не подаривших велосипедов в магазинах нет, и тем не менее продолжает посылать народу... «пешные письма» без «конвертов».

Чтобы проверить выводы, сделанные в Пензе, мы заглянули в филиал № 3 Центрального универмага Москвы. Василий Николаевич Ботов — директор магазина — имеет все основания говорить от имени потребителя, поскольку с покупателями велосипедов общается он, а не директор пензенского завода Евгений Иванович Бутузов. Директор магазина подтверждает, что, увы, не пензенских машин ищет покупатель. Причины?

Пензенская машина выглядит, как... «мошак», уж очень она постылая и черная... Правда, в последнее время пензенский завод взялся за ум и начал кое-как отделить ныне партии машин, идущие для Москвы, вышаривать штат. Но все это пока не меняет картины. Харьковский завод выпускает машины разных цветов — красиво оформленные черные, синие, голубые, — и потребители, конечно, предпочитают купить харьковский велосипед, какой цена машин одинаковая... Но что говорить об окраске, — следует поговорить и о конструкции...

И тут директор магазина отпустил столько «комплиментов» по адресу пензенской конструкции, разбирая ее подробно и сравнивая с конструкцией харьковского велосипеда, что мы не могли не вспомнить слов Евгения Павловича Бутузова: «пензенский велосипед уже достиг отличных ходовых и механических качеств». Какие же это, с позволения сказать, «качества»?

Оказывается, что в то время, когда другие предприятия выпускают велосипеды разных размеров, пензенский завод выпускает машины на один рост. Харьковский завод выпускает велосипеды с поворотными рулями, с опущенными рулями, а пензенский — отстает. На этом заводе додумались только до того, чтобы опущенный вилз руль, сконструированный 25 лет назад, поставить вверх ногами.

И, наконец, — замечает тов. Ботов, — велосипеды у нас, как известно, покупают не для украшения, а для дела. Человек хочет иметь максимум удобства от машины. Он пользуется ею для поездки на работу. Велосипеды все больше и больше входят в быт колхозников. И покупатель, который приходит в магазин, ищет прежде всего машину с багажником. Харьковский завод выпускает такую машину, а пензенский, очевидно, не думает о покупателе и упорно выпускает велосипеды без багажников.

Разговоры, которые мы вели в Пензе и Москве, шире вопроса о пензенском велосипеде. К сожалению, есть еще немало директоров, главных инженеров, начальников цехов, которые, выпуская продукцию, мало думают об обновлении моделей, об оформлении готовых изделий, не заботятся о том, будут ли эти изделия радовать глаз покупателя, удовлетворят ли они вкус широкого потребителя — нашего народа, который ждет от заводов и фабрик вещей красивых, изящных, прекрасно отделанных! Такие директора, главные инженеры, начальники цехов любят говорить о качестве продукции, об усилении оборачиваемости оборотных средств, забывая о том, что продукция, подобная «траурным велосипедам», и модели времен Окаялова и покорения Крыма отнюдь не способствуют благосостоянию предприятия: потребитель-то ведь попросту отворачивается от плохих вещей, предпочитая покупать за свои деньги изделия тех заводов и фабрик, которые по-настоящему заботятся о качестве продукции, об эстетических потребностях советских граждан, научились удовлетворять их вкус, которые следят за поступательным движением техники вперед, а не отстают от нее.

Печальная картина, открывающаяся на пензенском заводе, должна, по нашему мнению, побудить многих хозяйственников, руководящих предприятиями, выпускающими предметы широкого потребления, проверить: не пора ли их работа на выпуск «траурных велосипедов»? А если в чем-либо похожа, то немедленно и начисто отгнать эти негодный, порочный стиль палевательского отношения к конструкции, красоте и изяществу вещи, носимой советскую марку. ПЕНЗА—МОСКВА

ФИЛЬМЫ, ЖДУЩИЕ ЗРИТЕЛЯ

Когда тот или иной товар отправляется к месту назначения «навалом» и лежит невостребованным мертвым капиталом на складах, это вызывает у нас справедливое негодование. Но есть область, в которой нечто подобное происходит повседневно, не вызывая как будто ни с чьей стороны заметного беспокойства.

Мы имеем в виду продвижение и использование учебно-технических и научно-популярных кинофильмов. Вряд ли следует доказывать, что эти фильмы должны играть первейшую роль в деле обучения и коммунистического воспитания миллионов советских школьников и студентов, профессионального совершенствования и просвещения широких масс. Но можно ли назвать правильным использование этих фильмов, если они, главным образом, и притом редко, демонстрируются случайно зрителю в качестве «бесплатного приложения» к художественной картине?

Конечно, показать научно-популярный фильм «случайному» зрителю — тоже дело полезное, но ведь тогда фильм важнее увидеть тому, кто овладевает определенной отраслью знаний, кто не просто посмотрит, а и воспримет его как наглядное пособие к уроку или просветительной лекции.

Ничего подобного, однако, в действительности нет. В местной «коиторе» (название-то какое коммерческое!) Главному прокату педагог, лектор или просто человек, занимающийся самообразованием, в лучшем случае найдет лишь устаревший и далеко не полный перечень фильмов. Но что говорят уму и сердцу «клиента» такие названия, как «Чудесная лаборатория», «Одним из многих», «Зоркий помощник» и т. д.? Кто догадается, что «Чудесная лаборатория» — это наш желудок, «Одним из многих» — это те, кто неправильно организует свое питание, а «Зоркий помощник» — фотоземлет.

Педагог или лектор должен просмотреть фильм, чтобы узнать его содержание, потому что кинодистро не считают нужным снабжать свою продукцию даже краткими аннотациями.

Не пора ли выпускать аннотированные каталоги фильмов, фильмографические бюллетени, рекомендательные списки, создать в составе кинопрокатных учреждений авторитетные научно-методические советы, кинопедагогические семинары и курсы, организовать пропаганду передового опыта применения научных фильмов и т. д.?

Б. ТОЛЛЬ, председатель киносекции Ленинградского дома ученых им. М. Горького

КОЛХОЗНЫМ КЛУБАМ — ХОРОШИЕ ПЬЕСЫ

С ростом материального благосостояния колхозников растут и их культурные запросы, повышается требования к клубам. Если несколько лет назад мы разоглались нашей редкой гостью — кинопередвижкой, то теперь, например, в нашем клубе имеется стационарная киностанка. Если раньше нас удовлетворяли наскоро подготовленные любительские спектакли, то сейчас мы стремимся создать постоянный самодеятельный театр.

И вот тут-то мы встречаемся с большими трудностями. Пьесы для самодеятельных театров издаются в малых тиражах и часто бывают невысокого качества. Почему-то принято писать для колхозных клубов только одноактные пьесы.

В деревнях сейчас много людей со средним и высшим образованием, много учащейся молодежи. Постановка одноактных пьес уже не удовлетворяет колхозников. Для колхозной сцены нужны более сложные драматургические произведения.

Товарищи драматурги, дайте колхозным клубам пьесы, удовлетворяющие возрастные требования зрителя-колхозника.

И. ПРИХОДЬКО с. ЮНАКОВКА Миропольский район, Сумской области

ВЫРАЗИТЕЛЬ НАРОДНЫХ ДУМ

Жизнь Сулеймана Стальского, одного из самых замечательных поэтов нашего времени, получившего всенародную известность в годы сталинских пятилеток, сложилась необычно. Его творческая деятельность началась лишь в арские годы, когда Сулейману Стальскому было около сорока лет. За плечами у поэта уже был большой жизненный опыт. Он познал горечь и обиды бедняка-сироты, постигал тяжесть потного труда. Тринадцатилетним мальчиком вынужден был Сулейман уйти из родного аула и работать батраком и чернорабочим на вымороченных Дербента, затем в Гандже (Ипробаб), на нефтеромыслах Баку, на постройке железной дороги в Средней Азии.

Трудовая жизнь бок о бок с русскими, азербайджанцами, грузинами, людьми разных национальностей, обогатила Сулеймана глубоким знанием жизни. Начало поэтической деятельности Сулеймана Стальского прямо связано со стремлением выразить наблюдения, выстраданные думы, чаяния и мечты народа.

Это случилось в родине поэта в Дагестане, в родном ауле Ашага-Стаге. Однажды, возвращаясь после работы домой, Стальский увидел бродячих певцов, которые пели песню о соловье, тоскующем по солнцу. Слова песни не удовлетворили его. «Соловья может всякий спеть», — сказал Сулейман дома жене. И впервые в жизни начал писать стихи.

«Влюблен без памяти в цветы, Не замечая разве ты Страдания, муки нищеты, И плач, и стоны, соловей!»

Все творчество Сулеймана Стальского посвящено народу, оно глубоко идейно, глубоко содержательно. Подлинно народному поэту, ему глубоко чуждо пустое эстетство, бесцельная «красивость» стиха. Стальский говорил:

Поэта гордость — зловонный стих, Но стих не терпит слов пустых.

Стальский никогда не замыкался в темноте сельской жизни. Жизнь рабочих ему всегда была близка. «Однажды, — вспоминал он, — ко мне пришли только что вернувшиеся из Баку мои старые приятели. Они рассказали мне печальную историю. На нефтяных промыслах была забастовка рабочих, но она кончилась неудачно, и моих друзей уволили как зачинщиков. О забастовке я сложил песню».

Великая Октябрьская социалистическая революция вдохнула в поэта новые силы. В годы гражданской войны и интервенции он выступал, как пламенный защитник власти рабочих и крестьян.

Одно из лучших стихотворений создал Сулейман Стальский в честь славы исторической даты — 13 ноября 1920

Драматург, прозаик, поэт

К 75-летию Шава Дадияни

Творческие интересы Шава Дадияни очень широки. Автор пятнадцати пьес, нескольких эпосов-эпигам и оперных либретто, он выступает и как романист, как поэт, пишет рассказы, исторические очерки и театроведческие труды. Грузинская сцены знает его как талантливого актера и режиссера, он вел и ведет активную и разностороннюю общественную деятельность.

Ш. Дадияни как писатель формировался в ту пору, когда в Грузии под руководством товарища Сталина шло широкое революционное рабочее движение. Уже одна из первых драм Ш. Дадияни «Палач» насыщена протестом и возмущением великой Грузии. В дальнейшем все его пьесы были посвящены общественным проблемам. Если на первых

порах некоторые произведения носили алегорический характер, то в других драматург создавал яркие реалистические образы своих современников.

В драматургии Дадияни сказывается отличное знание родной страны, жизни народных масс. Теснее общаться с трудовым народом, узнать его повседневную жизнь, его нужды и стремления Дадияни помогла деятельность режиссера организованного им передвижного театра.

Драматургия Дадияни, созданная им до Октябрьской революции, венчается великолепной комедией «Вчерашние» (1917 год). Написанная за месяц до падения самодержавия, она являет собой глубокое и смелое сатирическое изображение царского строя (действие происходит в грузинской деревне).

После установления советской власти в Грузии творчество Ш. Дадияни получило особенно широкий размах. Его пьеса «Из недр...» (1937 г.) — первое в советской драматургии произведение, рисующее образ товарища Сталина в молодости. Действие происходит в Грузии в 1901—1905 гг. Автор дал широкую картину зарождения и роста революционной борьбы грузинского рабочего класса под руководством П. В. Сталина, показал огромный размах революционной деятельности молодого вождя, его тесную связь с рабочими.

Сотрапником товарища Сталина А. Пулукидзе и Л. Кепхелиши посвятил Дадияни пьесу «Куда победит!» и либретто оперы «Даво Копелева», написанные в 1940 г. В годы Отечественной войны Дадияни трудился о поэтике молодой энергии: он писал пьесы, рассказы и статьи на актуальные военно-политические темы, часто выступал в воинских частях, на заводах, в колхозах.

Опубликован два исторических романа — «Георгий Русский» (о Грузии XII века и ее связи с Русью) и «Политие» (о крестьянском восстании в Мелгидии в 1857 году). Дадияни работает теперь над третьим романом — «Менджи-Робу». Произведение задумано как широкая картина жизни Грузии с начала XX века до наших дней, как изображение о великом и переломном самом автором. Менджи-Робу — местность, некогда пустынная, в годы советской власти преобразовалась в цветущий край.

Творчество Дадияни глубоко проникнуто идейностью. Превосходное знание жизни сказывается и в широких картинах эпохи, которые дал писатель, и в глубоких и правдивых образах героев, и в языке, раскрывающем богатство и выразительность грузинского речи. Шава Дадияни — выдающийся деятель советской культуры. Хочется пожелать, чтобы наши издательства и театры этире знакомили читателей и зрителей с произведениями этого замечательного грузинского писателя. А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Вит. ВАСИЛЕВСКИЙ СТИЛЬ 1949 года

1.

К Александру Чутких на Краснохолмский камвольный комбинат приехали две девушки — приданница и ткачиха — из подмосковного фабричного поселка. Приданница Мария Рожнева и ткачиха Лидия Кононенко рассказали прославленному стахановцу, лауреату Сталинской премии, что она обратилась с призывом к работникам легкой промышленности организовать соревнования за экономии сырья.

Несколько месяцев назад Александр Чутких, справедливо полагая, что сама идея коммунистического труда не терпит небрежной работы, брака, скверной продукции, перебраживая в качестве изделий, призывал своих товарищей работать только «на отлично», повсюду требовать к себе, к своему станку, к своему мастерству. Почти московское текстильщика был подхватив на всех фабриках и заводах страны, и тысячи стахановских бригад решили, что отныне социалистическое соревнование должно быть соревнованием прежде всего за отличное качество продукции. И теперь в одной только легкой промышленности 25 тысяч бригад соревнуются за выпуск исключительно первосортной продукции.

Среди последователей Александра Чутких была Мария Рожнева и Лидия Кононенко из подмосковного поселка Купавна.

Путь, свернувший с Горьковского шоссе на 32-м километре от столицы, долго идет мимо стародавних, веками поставленных домиков с мезонинами и резными балконами, с классической геранью на окнах и не менее классической березкой в палисаднике. Брай потомственных слухом глухой, мерный шум, словно шум подводной реки. И вдруг на повороте, за недостроенным зданием клуба возникает корпус Купавинской ткацкообойной фабрики. Здесь и работают Мария Рожнева и Лидия Кононенко.

На вырванных фабрике висит плакат: «Наша важнейшая задача — продукция высокого качества и экономии сырья». Запомнил эти слова, Александр Чутких призвал мастеров выпускать продукцию отличного качества. Сейчас призывы на воротах Купавинской фабрики говорят нам: и отличное качество, и строгая экономия сырья.

2.

Мария Рожнева и Лидия Кононенко вначале пошли по пути Александра Чутких. Как и тысячи тысяч стахановцев, они долго, настойчиво, упорно боролись за первосортную продукцию, и наконец-то слава мастеров высокого качества пришла к ним. Наши стахановцы, питомцы партии большевиков, патриоты социалистического Отечества, новаторы, рационализаторы, открыватели новых путей в технике относятся к своему труду творчески, они смотрят на работу с государственной точки зрения.

Это животворящее начало сказало и в труде девушек с Купавинской фабрики. Однажды они задумались: какова «цена» их высококачественной продукции? И оказалось, что «цена» не непомерно дорога, ибо сырье они расходуют «на-глазок», без хозяйского расчета.

При ходе ровницы о бобин неизбежно три-четыре метра пряжи шла в брак, — вспоминает теперь Мария Рожнева. — Я задумалась, а нельзя ли оставлять на скалке всего лишь метр? Померяла, оказалось — можно! Соседа устроила брав, а ушла оставила вот этакое — как у отгорелого котла... Много оборула усы, выгнула на пол, в равняе! Так все поступали, так — чего оправдываться — и я делала.

счету ныне пять тысяч сверхплановых метров сырья. Казалось бы, чего беспокоиться, о чем тревожиться?

«Сама себе — судья», — сказала Лидия Кононенко. Нет надобности объяснять, как много технически нового внесли в производственный процесс новаторы Купавинской фабрики. В журналах, на производственных совещаниях, в стахановских школах часто подробно рассказывали, как научилась Лидия Кононенко дорабатывать каждый початок в челноке до конца, как привыкла Мама Рожнева проворачивать смену бобин на ходу за два отхода каретки, бережно раскатывать бобины, не оставляя длинных концов. Самые типичные, привлекательные во всем этом, что были комсомолки «сами себе — судьями», что они строго, решительно не коснулись их сердец.

Мария Рожнева сократила отходы шерсти в три с половиной раза и выпустила дополнительно более 300 килограммов шерсти. Ткачиха Лидия Кононенко сэкономила 70 килограммов шерсти.

И мы получили в подарок 150 метров высококачественного сырья.

Скромный ли это подарок? Пожалуй, сам по себе он и не так уж велик. Но советские люди неизменно стремятся «свое» превратить во всеобщее, всенародное. В капиталистическом мире таких явлений нет, да и быть не может. Там процесс обратный. Отнюдь не прогрессивная настроенная американская журналистка Мексин Девис писала: «Бессудно прохорят годы для нашей молодежи, не знающей, за что бороться, для чего жить... Жизнь нашей молодежи лишена духовного содержания».

Духовное содержание жизни купавинских комсомолок весной этого года заключалось прежде всего в том, чтобы личная почта скорее превратилась в почин общественный, чтобы от станка, бригады пойти в цех, во все цехи фабрики — да что фабрики! — всех фабрик страны. Партийная организация Купавинской фабрики, секретарь комсомольского комитета, неутомимый, неутомимый, неутомимый в стремлении, веселый Виктор Шелушников подхватил инициативу умных, талантливых комсомолок. И прошам в де-

хат, смеялах комсомольско-молодежные собрания; агитаторы говорили о поппе Розневой и Кононенко; ткачи открывали личные счета экономии. Подсчитано: за год молодые приданницы фабрики дали из сверхплановой пряжи 68 тысяч метров сырья сверх плана; ткачи дополнительно выработали около 19 тысяч метров сукна, а это значит — многие тысячи рублей экономии.

Вот какой щедрый, какой великий подарок решил преподнести народу купавинские ткачихи. А началось-то все это с того, что заметила Мама Рожнева: при ходе ровницы с бобин три-четыре метра пряжи неизменно шла в брак... Вот для чего жили, за что боролись всею этого года Мария Рожнева и Лидия Кононенко.

«Правда» широко осветила на своих страницах, поехала в гущу народа растущую весть о начинаниях купавинских комсомолок. Коллегия Министерства легкой промышленности СССР заслушала доклад Рожневой и Кононенко об опыте их работы и признала необходимым, чтобы на всех предприятиях страны была развернута борьба за экономию сырья и выпуск дополнительной продукции.

И появился на воротах Купавинской фабрики плакат: «Наша важнейшая задача — продукция высокого качества и экономии сырья».

3.

Недавно помощник мастера Трехгорной мануфактуры Владимир Иванович Воронин рассказывал мне, как, по поручению партийной организации, он изучал причины отставания соседней бригады. Там вдруг появился брак. Всего несколько метров бракованной ткани. И тотчас партийная организация послала на помощь соседям коммуниста Воронина, бригаду которого свыше двух месяцев выпускает продукцию только «на отлично».

Совсем не намерен я обижать бригадир, — сказала мне Владимир Иванович. — Несколько лет назад мы махнули бы рукою на эти метры второсортной ткани... Вопрос политический: фабрика обязана выпускать исключительно отличную продукцию. Я занимаюсь соседней брига-

ОКРЫЛЯЮЩИЕ ДНИ

Сабит МУКАНОВ

Заключилась декада казахской литературы в Москве. Дни декады в творческой жизни писателей Казахстана стали большим событием. Без преувеличения можно сказать, что наши творческие встречи и обсуждения сыграют большую роль в развитии нашей литературы.

Нам хотелось возможно более широко представить наши творческие достижения, подвергнуть обсуждению все значительные произведения, глубже уяснить для себя наши недостатки. Мы тщательно готовились к декаде и успели издать в переводе на русский язык около пятидесяти книг.

Казахская проза, поэзия и драматургия находятся на новом подъеме. Исключительную роль сыграли в этом исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, а также указания ЦК КП(б) Казахстана и его непосредственная забота о творчестве казахских писателей. Решения ЦК ВКП(б) помогли нам создать новые, более полные и широкое в художественном отношении книги, а также осознать и исправить многие ошибки и недостатки, имевшие место в ранее созданных произведениях. Все то, что представили мы в дни декады на наших встречах с общественностью столицы, создано в основном именно после мудрых указаний партии.

Двенадцать выступлений провели мы в Москве—двенадцать незабываемых встреч со студентами и инженерами крупнейших заводов столицы, с учеными, студентами молодежи, с офицерами и воинами Советской Армии, с руководителями советскими и партийными работниками. И каждая из этих встреч была для нас радостным праздником.

Переполненные залы аудиторий, чуткое внимание слушателей, невыразимо теплый прием встречали нас везде и всюду. С огромным воодушевлением выступали все мы — прозаики, поэты, агиты, ощущая, как дружелюбно, горячо, искренне отзывались слушатели на все лучшие строки стихов, песни! Мы ощущали дыхание большой братской дружбы, радость за наши успехи, глубокую, пристрастную заинтересованность в творчестве каждого из нас.

Но эти встречи были для нас не только радостным, а и проверкой, испытанием. Мы отчитывались перед самыми квалифицированными и требовательными читателями — москвичами.

Счастием было сознавать, что лучшее из созданного нами отвечает их запросам, интересам и близко им. Москвичи не только оценили то, что уже создано, но и высказывали пылкую заботу о нашем будущем. В вопросах, в привет-

ственных словах по нашему адресу нам неизменно желали дальнейших успехов и напомнили о том, что ждут новых стихов, повестей, новых переводов наших книг на русский язык. Эта забота, этот живой интерес к судьбе каждого особенно воодушевлял участников декады!

В эти дни мы держали отчет не только перед читателями, но и перед московскими собратьями по перу. В творческих секциях Союза писателей проходило как бы лабораторное обсуждение нашей работы. На специальных совещаниях в продолжение двух и трех дней разрабатывались произведения казахской прозы, поэзии и драматургии. В обсуждениях участвовали многие крупнейшие представители русской советской литературы и критики.

Радостно было еще раз убедиться в том, что наши московские друзья чутко следят за развитием казахской литературы; они систематически читают появляющиеся на русском языке произведения наших писателей, более того, — они хорошо осведомлены и о тех вещах, которые еще не успели выйти в русских переводах. И снова, с той же силой мы ощущали дыхание братской дружбы, когда видели русские писатели, говоря о казахской литературе, отмечали ее рост и значительные успехи. Но, разбирая достоинства отдельных произведений, они строго, без сдвигов, подвергали деловой товарищеской критике и неостаткам. Это явилось для всех нас большим уроком; творческое обсуждение помогло нам яснее определить дальнейшие задачи, которые стоят перед казахскими писателями.

Внимание всех привлекало прежде всего вопросы развития нашей прозы. Этот жанр, появившийся в казахской литературе лишь в советские годы, за короткое время стал в ней ведущим жанром. Участники обсуждения о искренней радости отмечали, что казахские писатели удалось создать такие крупные произведения, как широко известный исторический роман М. Ауэзова «Абай», как роман Г. Мустафина о труженниках колхозов — «Милловвер», повесть Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана» — о героических годах Великой Отечественной войны, и другие. Казахские поэты также написали немало стихов, которые в идейном и художественном отношении стоят на уровне лучших произведений международной советской литературы. Значительные сдвиги произошли в нашей драматур-

гии. На обсуждение было представлено несколько новых пьес казахских драматургов А. Абашева, М. Иманжанова, Н. Баймухамедова, Ш. Хусайнова и других. Все эти пьесы, посвященные изображению жизни и труда казахского народа, тоже получили в основном высокую оценку.

Наши московские друзья единодушно отмечали, что казахские писатели решительно обратились к разработке актуальных тем современности. Но общим недостатком для всех жанров казахской литературы является то, что создано еще очень мало произведений, показывающих бурный рост индустрии Казахстана.

Главными героями романов, пьес, стихов казахских писателей и поэтов стали наши современники — советские люди. Но писателям необходимо активнее разрабатывать тему героического труда возрожденного казахского народа, раскрывать образы советских людей еще более ярко, правдиво и глубоко. Всем писателям, особенно молодым, необходимо совершенствовать свое художественное мастерство. Чтобы добиться новых успехов, прозаики, поэты, драматурги Казахстана должны еще настойчивее усваивать богатейший опыт ведущей русской и всей многонациональной советской литературы, в совершенстве овладеть методом социалистического реализма.

Участники обсуждения справедливо говорили и о том, что еще крайне слабо развита казахская детская литература. Особенно же отстает в республике развитие литературной критики. Воспитание квалифицированных, хорошо подготовленных кадров литературных критиков в Казахстане — неотложная задача; от решения ее во многом зависит быстрейший рост всей казахской литературы.

Этот деловой и серьезный творческий разговор, состоявшийся в дни декады, уточнил, конкретизировал то, что предстоит нам делать дальше. Воодушевленные встречи с читателями, с московскими товарищами по перу воодушевляли нас, оказывая нам огромную помощь. Наши сердца полны благодарности. Под направляющим руководством партии казахская литература, которая, по общему признанию, добилась значительных успехов, стала профессиональной и вышла в число передовых отрядов многонациональной советской литературы, — необходимо добиться новых успехов. Обкрыленные теплым приемом родной Москвы, писатели Советского Казахстана не покажут сил для того, чтобы создать новые, еще более высокие по идейному содержанию и художественному мастерству произведения, достойные нашего времени.

Революционеры-демократы о Пушкине

Проф. Н. БЕЛЬЧИКОВ

Глубокое, по-настоящему научное изучение творчества А. С. Пушкина стало возможным лишь в годы советской власти, но начало этому изучению было положено трудами революционных демократов. Первым о Пушкине как о великом русском национальном поэте сказал Белинский. В своей статье «Литературные метания» (1834 г.) критик подчеркнул национальное своеобразие пушкинского творчества. Он говорил, что Пушкин «был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; по миру русского, по человечеству русского».

Белинский видел в Пушкине воплощение огромных сил и неиссякаемого таланта народа. В 1840 г. он писал: «Да, мы уже имеем поэзию, которую смело можем соперничать с поэзией всех народов Европы... Мы думаем, что причина этого дивного явления заключается в глубине и могуществе духа народа...» Основываясь на творчестве Пушкина, Белинский отстаивал мысль о неотделимости русского искусства от судьбы народа, о полнейшей самостоятельности и своеобразии русской литературы, порожденных своеобразием исторического процесса: «Один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании историй, писанных не имеющими с ней общего европейских народов».

Белинский взял на себя благородную задачу защиты Пушкина от пресловутых легенд о подражательности поэта, о влиянии на него Байрона. «Не только содержание, но и дух поэм Байрона», — заявлял критик, — уничтожает всякую возможность существования сходства между ими и «Онегин» Пушкина».

Для Белинского Пушкин — поэт русской действительности. Его главное произведение «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни, в высшей степени народное произведение. Особую заслугу Пушкина Белинский видел в утверждении им реалистического начала в литературе. «Ни один поэт не имел на русскую литературу такого многообразного, сильного и плодотворного влияния», — писал Белинский. — Пушкин уба на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным азам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдвинул ее впервые с русской жизни и русской современности, обогатил идеями...»

Пушкин и Гоголь для Белинского были родоначальниками традиций, плодотворных для дальнейшего развития нашей литературы.

Белинский показал великое значение Пушкина в исторической борьбе народа за создание своей национальной культуры. От Пушкина, писал он, мы «ведем русскую поэзию и называем ее первым русским поэтом. Это совсем не значит, чтоб до него не было поэтов, и притом еще достойных внимания, уважения, любви, известности и славы; но значит только, что в них выразились постепенные усилия русской поэзии, начиная от Кавтырма и Ломоносова... следствия естественного и самобитного, стремление из книжной сделать живую, общественную, сблизиться с жизнью и обществом; а в Пушкине выразились торжество и победа этих усилий и стремлений».

Белинский связывал все творчество Пушкина с пробуждением национального сознания народа в годы Отечественной

войны 1812 года и движения декабристов, хотя о последних он мог говорить только вскользь.

Историческая заслуга Белинского состоит в том, что он первый раскрыл роль Пушкина как великого национального русского поэта, творчество которого имеет мировое значение.

Особенно подчеркивал Белинский огром-

«Прошай, свободная стихия» (А. С. Пушкин).

Картина И. АЛАЗОВСКОГО и И. РЕШНА

ное значение Пушкина для воспитания молодого поколения в духе гуманизма, уважения к человеческой личности. Великий критик назвал Пушкина «воспитателем юношества, образователем юного чувства». «Придет время, — пророчески заявлял Белинский, — когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...»

Великие революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов в своих статьях не раз обращались к неумирающей пушкинской поэзии. Их оценка творчества поэта была тесно связана с условиями политической и литературной борьбы того времени.

Чернышевский писал о Пушкине в те годы, когда в стране нарастало общественно-освободительное движение. В сочинениях Пушкина Чернышевский видел «залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения и гуманности». Признавая огромное значение Пушкина для развития литературы своего времени, критик говорил, что «вся возможность дальнейшего развития русской литературы была подготовлена и отчасти еще приготовлена Пушкиным».

Великие Пушкина Чернышевский видел в том, что он «возвел у нас литературу в достоинство национального дела», что через

его проведены широкие народные массы приобщались к культуре и литературе. «Зачеяние Пушкина неизмеримо велико», — писал критик. — «Через него раздалось литературное образование на десятки тысяч людей, между тем как до литературные интересы занимали немногих».

В 60-е годы усилилась деятельность представителей чистого искусства, которые пытались сделать Пушкина своим знаменем. В противовес им Чернышевский подчеркивал политическое содержание ранней лирики Пушкина, его явственную близость к декабристам, ярко выраженную в таких стихотворениях, как «Вольность», «Арион».

Революционеры-демократы ясно видели громадное значение Пушкина для нарождающейся демократической литературы 60-х годов.

Высоко ценил Добролюбов народность Пушкина, который, по его словам, умел постигнуть истинные потребности и истинный характер народного быта. Критик разоблачал эстетов, пытавшихся превратить Пушкина в поэта, отрешенного от действительности и зашита в мирные миры. Он подчеркивал, что Пушкин понимал свой долг перед народом, и указывал при этом на его «Памятник».

В заметке для русской студенческой газеты «Слухи», студент Добролюбов, ссылаясь на указание и запрещение знаменитых Пушкина, говорил о свободомыслии поэта, намекая на его близость к декабристам.

В противовес дворянским эстетам, твердым об оторванности поэта от реальной действительности, Добролюбов отмечал реалистический характер пушкинской поэзии. Пушкин «первый выразил возможность представлять, не комментируя искусство, ту самую жизнь, которая у вас существует», — писал Добролюбов.

Чернышевский и Добролюбов особенно ценили высокую художественность произведений Пушкина, благотворное воздействие его творчества на всю русскую литературу.

Они называли Пушкина классиком литературы, творения которого будут жить в веках. «Пушкина давно уже все признали великим, неоспоримым великим писателем», — писал Чернышевский в «Обчерках годового периода русской литературы», — «яма его — священный авторитет для каждого русского читателя».

Великие революционеры-демократы Белинский, Чернышевский, Добролюбов высоко оценили значение Пушкина для русской литературы, для русского народа. Каждый из них, в зависимости от исторических моментов общественной борьбы, выдвигал то ту, то другую сторону его творчества, но все они были едины в общей оценке великого поэта, произведения которого помогли революционерам-демократам в борьбе за освобождение родной страны.

Дихан АБИЛЕВ

ЗОЛОТОЙ ПОТОК

Золотые колоса клоня,
Рожь вставала стеной на пути,
И наутра я повою коня
И заставил подняться котла.

Мустафа, мой товарищ, слегка
Сжал один из колосов рукой,
И как будто струя молока,
Брызнула сразу поток золотой.

Не морской ли простор поглотил
Мустафу? Что за волны вокруг?
И по морю хлебов я поплывал,
Оклякая его: «Где ж ты, друг?»

Перевел с казахского В. БУГАЕВСКИЙ

Сырбай МАУЛЕНОВ

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Черный бархат окутает землю сна,
Степь умоляет, беснуно покинет траву,
Опершись на пастуший посох, чабан
Залепет свою песню... Чу, лягуся слова:

«Неприметен мой труд... Травы... Степь без следа,
Но какие взрастил я народу стада!
И народ уваженно отметил мой труд:
На граде у меня «Золотая Звезда»...»

Этой песне внимают родная страна —
Кольбель наших подвигов гордых она,
Но от слов этой песни — чудесных,
Простых, —
Зарубежные волки лишаются сна!

Перевел с казахского Д. СНЕГИН

Анатолий СУРОВ

ТОРЖЕСТВО ВДОХНОВЕННОГО ТРУДА

Для большинства людей наказанием является необходимость мыслить. Идеальной кажется им работа, не предъявляющая никаких требований к творческому инстинкту. Так сформулировал свое взгляды на труд небезызвестный Герри Форд, ставший себе именем миллионы в славу «американского гения» после того, как на его заводе рабочий стал неудовлетворенным прикладом машины, деталью, имеющей «не большее значение, чем приводной ремешок».

Человеконенавистническую формулу Форда стоит сопоставить с идеями аболициониста высказывавшимся Вильяма Фогта. По сути дела между Фогтом, прокламировавшим вращая в то, что они спасают человечество от бедней, и Фордом, превращающим людей в тупых автоматов, лишенных чувств и мыслей, — разница не велика. Мы сказали бы, что Форд и Фогт схожи, как схожи их фамилии.

В данном случае эти совпадения довольно замечательны. Форд, обездоливший десятки тысяч людей, и Фогт, вызвавший гнев всего человечества своей баптистской книжкой, признающей к истреблению народов, связанных неразрывной цепью. Форд изображал людей тупыми выростками для того, чтобы оправдать бесчеловечную эксплуатацию их. Фогты кричат о войне и пытаются теоретически обосновать необходимость истребления людей. В основе их теорий — одна мысль: люди — это всего лишь сырье, которое можно переплавить в барыши, а можно и просто сжечь в пламени доходя до «близости» — в пламени новой мировой войны.

На фоне подобных теорий анекдотично выглядят усилия американских пропагандистов, лезущих из кожи вон, чтобы доказать, что Америка — это земной рай и прежде всего рай для рабочих, о которых денно и нощно пекутся заботливые, добрые миллионеры. На самом деле труд для американского рабочего — это проклятие. Американский рабочий вынужден собственными мучительными руками затгивать петлю на своем горле. Всякое, пусть небольшое, усовершенствование в труде boss используют только в своих корыстных целях: сократит какое-то количество ра-

В Кожеников «Огневиная река». Журнал «Новый мир» № 3, 1948.

бочих, снижает жалование, увеличит норму... Таким образом, любое нововведение на производстве обращается против рабочего. Изобретения и усовершенствования губят рабочих, отнимают у них скудный заработок, лишают их уверенности в завтрашнем дне. Так наука в Америке становится злейшим врагом рабочего.

В советской стране происходит процесс диаметрально противоположный. Можно о уверенностью сказать, что никогда доселе наука в практике не была так близка, как в нашей сегодняшней действительности. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочесть опубликованное недавно постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий. В этом постановлении имена крупнейших ученых страны стоят рядом с именами простых рабочих, сумевших внести свою большую лепту в дело увеличения производительности труда, в сокращении вынужденной научной мысли.

В едином муче русе советской науки сливаются открытия ученых, инженеров, техников, умеренствованные и изобретения простых рабочих. Этому великому содружеству людей науки и людей труда посвящены многие произведения советской литературы послевоенных лет. Как и всегда, передовая советская литература показывает новые процессы, происходящие в нашей жизни, правдиво, убедительно, реалистически ярко. Хорошим примером в этом смысле является повесть Владимира Коженикова «Огневиная река», опубликованная в третьей книге журнала «Новый мир».

Действие этой повести происходит в наши дни, в Донбассе, на одном из крупнейших металлургических заводов. Ее герои — мастера-доменики Егор Гусев и Сергей Мешеряков. Егор Трофимович стар. У него за плечами — долгая трудовая жизнь, и когда читаешь повесть, кажется, будто Гусев все время окружен красным отблеском домашнего огня. Он «сладкий пещи биограф» знает, как свою «обстановку». У него — «душа огненная». И труд для Гусева — действительно дело его

славы, дело его гордости. «После хорошей выданы металла перком буд... пережвляю, всем людям в глаза горю смотрю...» — Человек в работе обзавел свой талант показывать, — вот слова, которые с первой едны раскрывают нам душу Гусева.

По сравнению с Гусевым, впервые пришедшим на завод еще задолго до Великой Октябрьской революции, Сергей Мешеряков воопытен я юн. Но Егор Гусев потерял немало труда, чтобы передать любимому ученику свои навыки, свои навыки, свою спорность. Годы войны, затем годы обучения в техникуме также много способствовали будущим производственным успехам Мешерякова. И когда в первой картине мы видим встречу Гусева и Мешерякова после нескольких лет разлуки, мы чувствуем уже: эти люди друг друга знают. Молодость Мешерякова умужена на знания Гусева. Огромный опыт Гусева умужен на то счастье ощущение своей силы и уверенности в будущем, которое в высшей степени свойственно подлинному хозяину своего дела — рабочему Советской страны.

Ученик и учитель делается свежими воспоминаниями о трудных днях войны, о восстановлении домашних печей. Они говорят о новых планах, о новых дерзких и заманчивых замыслах... Но вскоре выясняется, что Сергей Мешеряков не только успел разработать новый режим пещи, но и подготовил предложение, которое должно дать огромный эффект: он предлагает вдувать пар в доменную печь и тем самым добиться резкого повышения calorificности процесса.

Тут на сцену выступает новая фигура, доселе еще не знакомая нам, — привлекательная фигура академика Павлищева. Многие годы своей долгой жизни Павлищев посвящал науке о доменном производстве. Гусеву Павлищев — старый друг, он не раз обращался к его опыту. В свою очередь Гусев неоднократно первый осуществлял на практике предложения Павлищева. Что же касается предложения Мешерякова, то первоначально Павлищев отнесся к нему с нескрываемым предубеждением. «Сы, — спрашивает он Мешеря-

кова, — обрати внимание, что я отстаиваю, конечно, по мере моих сил и в убежденной, технологично сузого дутья, то есть уничтожения влажности до тех высших пределов, каких мы можем достигнуть?» — «Да, обрати внимание!», — говорит Мешеряков. — «Отлично. А сами возьмите предлагать вдувать пар в доменную печь. А пар, извините, это влага, то есть вода в газообразном состоянии», — уже явно проионизирует ученик. Но Мешеряков, словно не замечая этой усмешки, отвечает Павлищеву честно и прямо: «...То, что это противоречит моему учению, я знаю. И поэтому пришел именно к вам».

Так завязывается острый конфликт пещи. Павлищев поглотен испытанием своей теории автоматки — результата многолетних исследований. Идея Мешерякова кажется ему нигилистической и неуживчивой, «случайной догадкой», которой верить нельзя. Дочь Гусева Шура — ученица Павлищева, инженер заводской лаборатории, несмотря на свою любовь к Мешерякову, также резко выступает против него. «...Как ты смеял так разговаривать с Павлищевым?! — спрашивает сына Сергей. — С одним из самых выдающихся ученых, по сравнению с которым ты — пещичка!» И даже сам Гусев, сделавший для Мешерякова все, что только может сделать доменика, отставший ему свою любовь, лунную в пеще пещи, — на этот раз оказывается резким противником Сергея.

В чем же особенность той борьбы, в которую так властно втягивает нас автор повести? За что борется между собой Павлищев и Мешеряков? За личные успехи, за свой престиж? Конечно, нет. В перипетиях борьбы, разрывающейся между ними, мы ясно видим, что «противники» стремятся к одной цели — к новым успехам советской металлургии, к торжеству труда, которое дорого каждому — и Мешерякову, и Павлищеву, и Гусеву, и его дочери. И потому спор между Павлищевым и Мешеряковым, людьми, исходящими из общих побуждений, стремящимися к одной цели, неизбежно находит свое разрешение.

Павлищев скоро убеждается в том, что «случайная догадка» Мешерякова несет в себе богатые возможности выгодных преобразований в процессе доменного литья. В свою очередь, Мешеряков начинает понимать, что был неправ, считая Павлищева отсталым ученым, что он, Сергей, как точно заметил секретарь парторганизации Ковдыба, «е новаторство только одну сторону видит — технику, а о человеке забыл. В нем не менее важно хорошие стороны души открыть и на них опереться». Именно партийный руководитель Ковдыба, а ведь за ним и старик Гусев помогают Павлищеву и Мешерякову найти общий язык. «Робковаты стали», — говорит Павлищев Гусев. И, полагив обиду, Павлищев вынужден принять этот упрёк. «Г... Старость, чорт бы ее драг...», — размышляет Павлищев. — Впрочем, что такое старость, а? Это то плохое, что человек тянет с собой из прошлого, а возраст — это гордость!»

Конфликт разрешается тесным творческим союзом, в котором объединены, неразрывно связаны молодость и зрелость, наука и практика. Такой союз действительно способен творить чудеса. И знаменательным подтверждением этой мысли, произвожающей пещу Коженикова, звучит один из эпизодов последнего акта: получение правительственной телеграммы, в которой сообщается о решении открыть на заводе научно-исследовательский институт для разработки новой проблемы.

Мы знаем, что таких институтов у нас тогда не было. В них творческая мысль, возникающая непосредственно у станка, у горна, у конвейера, находит свою чеканную и тонкую разработку в строгих линиях чертежей, в точных цифрах научных расчетов. А затем — путь от калки чертежа до реального воплощения идеи, замысла в новую машину, в новый технологический процесс. Так строится грань между физическим и умственным трудом, так наука обращается к практике и обогащается ее опытом для того, чтобы спорней вернуть народу его богатства. Так торжествует новый — социалистический творческий труд.

Академик Павлищев постоянно возит с собой выразительные выписки из трудов американского экономиста, «рационализатора производства» Тайлора, Тайлор писал: «Существует работа для каждого типа рабочего, совершенно так же, как есть работа для лановых и для легковых лошадей...» И далее: «Человек, физически способный переносить большие и достаточные физические и умной для того, чтобы избирать себе это дело в качестве профессии, редко бывает способен понять науку перенести вынужден; и эта неслободность рабочую, приспосаблив к выполнению своей работы, поощряет науку, ее выполнение, становится все более очевидной по мере того, как мы переходим все к более сложным работам».

«Зачем же вы высокую плату записываете, да еще при себе носите?» — спрашивает возмущенный Гусев, прослушав сия пичату. «А вот для ярости душевной», — отвечает Павлищев.

Финал шесты Коженикова ярко говорит о том, что советские люди в состоянии перед лицом всего мира опровергнуть циничные заявления американских «теоретиков рабства».

«После войны наш народ словно сам себя в зеркале увидел», — вспоминает Гусев. — «В огромном таком зеркале, как океан. Увидел — и поразился, какой он могучий за дружный стан... И от этого еще дерзновенней стал».

Уверенно, горко смотрит в будущее советские люди. «Великая пель коммунизма рождает великую творческую энергию нашего народа!» — говорит Павлищев. «Такие огненные реки потекут», — подтверждает Гусев. — «Знай только действуй, создай, строй! Человеческое парство на земле утвердится. Вот так! А мы — рабочий класс, Сталина гвардия, мы не подкачаем!»

В этом могучем единодушии советского ученого и советского рабочего — порука тому, что наша страна в ближайшие годы неминуемо расширит и окрепнет — на радость всем простым людям труда, на страх поджигателям новой войны.

ГЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА

Судебная агрессия

Вс. ИВАНОВ

ны, несмотря на все испытания и неудачи. Две трети «Человеческой комедии» созданы в поразительно короткий срок. Работая по 14—16 часов в сутках, он переписывал свои романы по несколько раз, а затем, не довольствуясь этим, вносил в корректуру многочисленные исправления. Какая уж тут работа для денег! Это истинное и вдохновенное творчество для народа, для потомства.

Критика буржуазного общества насыщает все романы «Человеческой комедии». В ней — сила и пафос этих романов. Биржевые олигархи и деревенские ростовщики, провинциальные кушеры и их стилистые соборы, укрупненные кулаки-земельники, авантюристы, нарушающие законы, и авантюристы, подкупающие его, гнусные скряги и не менее гнусные расточители обжуривают вас со всех сторон, когда вы входите в мир «Человеческой комедии». Балзак раскрывает перед нами паразитарную, хищническую сущность всех этих людей, показывая, что не производство материальных ценностей, а спекуляция ростовщиков, афера являются типичнейшими методами капиталистического обогащения, что все эти люди ничего не создают, — только захватывают и накапливают. Буржуазный мир, изображенный Балзаком, — это страшные джунгли, где люди, как хищные звери, перерезают глотки друг другу.

В этой волчьей грязи человек перестает быть человеком. Типографик Сешар грабит родного сына, а дочери старика Горно — родного отца. Брак превращен в коммерческую сделку. Балзак срывает живую маску с буржуазной прессы, с буржуазной законности. Вотрен в романе «Отец Горно» говорит о том, что уголовный суд годен лишь на то, чтобы «слать на веревки богатей», посылать на гильотину благородных людей, что судьи заботятся только о том, чтобы «богатые спали спокойно». В романе «Утраченные иллюзии» Клод Вишюв говорит, что «главное дело превратилось в промысел и, как все промыслы, не знает ни стыда, ни совести». И действительно, как бы в подтверждение этих слов, почти на всем протяжении романа раскрывается возмущающая картина газетных сплетен и интриг, влекущих целью опознать все красивое и передовое, раздвигая грязным сапогом клеветы все свежие литературные побег.

Сказав всю «Человеческую комедию» прохладит тема враждебности буржуазного мира к искусству, тема трагической гибели таланта в мире чуждого. В погоне за успехом и деньгами поэт Люсьен Шардон теряет совесть, а вместе с ней и талант. Картины Пьера Грасу обогащают не художника, который их создает, а спекулянта, который их продает. Лолая традиция буржуазного романа с нравоучительным концом, где порок обязательно карается, а добродетель увенчивается, Балзак в повести «Прощенный Мельмот» пишет: «Поразительная причуда! Общество жаждет добродетели на старость сотню лупиров ренты, третий этаж, хлеб в умеренном количестве, несколько поношенных галстуков; да небольшую жену, сопровождаемую ребятами. А пороку, если у него хватает смекалки, если он умеет ловко повернуть в свою пользу, общество прощает украденные им миллионы, общество его осыпает лентами, награждает почестями и заваливает знаками уважения».

От художника-реалиста, каким был Балзак, требуется огромное напряжение в работе, острый взгляд и неслепотенные наблюдения. Две тысячи типов, созданных Балзаком, были как бы две тысячи живых людей, с их сложными потребностями, страстями, с их смутно или ясно выраженными идеями. Это была не сказка, не «тысяча и одна ночь», а сама действительность, которая не хочет и не может повториться, которая всегда разнообразна, которой управлять можно лишь тогда, когда ты входишь и неустанно наблюдаешь за ней, слышишь, живешь ее реальными и живописными интересами, живешь, включаясь идеями подлинного искусства! Балзак любил свой народ, он любил и свое искусство. С удивительной яркостью и вышукостью он передавал свою ненависть к богачам и аристократам, тем самым выражая ярость и ненависть народа. Балзак сам охарактеризовал народ как «людей пота и волн, труда и терпения», подчеркивая, что «благородный тип встречается только в народе». Об этой стороне творчества Балзака говорит Энгельс: «Единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые противники, республиканцы — герои улицы Cloitre Saint Merri, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс. Я считаю одной из величайших побед реализма, одной из наиболее ценных черт старика Балзака то, что он принужден был идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он видел настоящих людей будущего там, где их единственно и можно было найти».

Вот этой любовью к народу и искусству, любовью к правде, ненависти к богачам и близок Балзак нашему современному читателю. В 1911 году гениальный А. М. Горький с поразительной точностью и с еще большей прозрачностью писал о Балзаке: «Человеческая комедия» была прочитана мною уже лет в двадцать, эта книга нанесла сильнейший удар моему неформальному романтизму, и я почувствовал в ней гений Балзака и любовь его горячей любовью, как, вероятно, любят учителя и друга.

Двумя-тремя годами позднее в России явился перевод полного собрания сочинений Балзака, я дважды прочитал все его книги и тут понял всю величину этого писателя, эпический размер его таланта и знания и талант писателя. Широка его палата, смелость мысли, правда слова... делают его одним из величайших учителей мира».

Многое, разумеется, изменилось в мире со времен Балзака. Уже давно банкиры занимают преимущественно войнами; они стали империалистами в полном смысле этого слова. Во времена Балзака преступник Вотрен выдал себя за католического патера, дипломатического уполномоченного Испании. В наши времена Вотрен слит на испанском троне, управляя Испанией под именем Франко. А в самой Франции наследники Вотрена занимают высокие посты в министерствах, торгуют страши, явившаяся на ее несчастиях. Эти торгашы выросли в таких хитриках, жадности которых удивился бы и Балзак, хорошо знавший нравы преступников! И теперь французские банкиры, потомки тех, кого клейма Балзак, прозывают оптом и в розницу свою родину, свою действительность прекрасною Францией!

Балзак много предвидел в будущем и многое ненавидел в настоящем. Он был откровенен и необыкновенно трудолюбив, как истинный француз. Он и сейчас помогает передовой Франции бороться против «жесткого капитализма, оков банков, торгашей, преступников, еще стоящих — вопреки воле народа — у власти».

С пристрастием и уважением мы празднуем юбилей Балзака. Его гений помогает тем, кто ведет борьбу за истину, за переустройство общества на справедливых началах.

этот назывательский разгул рекламы, спекулирующей на полной неуверенности миллионов в их завтрашнем дне.

Далеко не все объяснено, однако, по-настоящему «ментальный», «фантастический» характер. Некоторые из них отличаются значительно большей конкретностью, «приземленностью»; их назначение состоит в том, чтобы либо приобрести простого американца к преступному миру, либо попросту сделать его пошлейшим шлюхом. И того и другого в условиях современной Америки, разумеется, добьются много проще, чем «разбогатеть» или стать «собственным боссом».

Молодой атлет в тигровых трусиках самостоятельно советует выписать руководство «Как стать человеком совершеннейших форм». «Нравится ли вам сидеть в углу, когда другим достаются самые красивые девушки и самая лучшая работа?» — вопрошает он. И обещает каждому, кто приобретет «руководство», «стабильные бизнесы».

Были бы бизнесы, а как их приобрести, — это уже подсказывает другая рекламная книга: «Справочник. Акционерные компании и банки. Цена одна доллар». На его расчитан этот весьма необычный справочник? Чью любительность он должен удовлетворить? Человеку какой профессии необходимо знать все подробности о директорах банков? Этот «собственный труд» откровенно составлен для уголовных преступников, деятельность которых достигла в Америке размеров общественного бедствия. Научи справочник и действу! — вот на что намекает это обильное...

На худой конец можно стать не банком, а всего лишь шулером. За десять центов предлагается: «Поразительный карточный раз-Ланда. Находит любую карту в колоде! Беспорочный покер!» Таковы репутации «судейства» личной жизни, рекомендуемые сейчас в «процветавшей» Америке.

Парижский конгресс сторонников мира нанес тяжелый удар пропаганде новой войны. Он открыл надежды миллионам простых людей и послал смутные в ряды поджигателей войны. Стремительное движение в защиту мира, провозгласившее торжество на вершине потерь. Они лихорадочно обновляют «свой репертуар» созданием новых сенсаций и постановкой новых дел, призванных сеять вражду между народами, жаждущими мира.

Одной из последних постановок этого типа является так называемое «дело Губичева». Исходным моментом «дела Губичева» является 4 марта 1949 года. Именно в этот день хорошо оснащенный отряд бравых американских сыщиков и полицейских одержал блистательную победу над прохитрым по улицам Нью-Йорка молодым человеком. «Неприятель» был одержан с форта, тыла и флангов, вынужден к капитуляции и направлен в американскую тюрьму. Офира на арест при этом предъявлено не было. Этот триумф американского полицейского производства, быть может, прошел бы не слишком замечательно для знакомого с полицейской дубинкой многомиллионного города, если бы не одно весьма существенное обстоятельство.

На улицах Нью-Йорка был схвачен и арестован советский дипломат — сотрудник Организации Объединенных Наций в дипломатическом ранге третьего секретаря Валентин Алексеевич Губичев. Этот факт бесспорно придал налету нью-йоркской позиции значение явного и циничного посягательства на основной принцип международного сотрудничества — на дипломатическую неприкосновенность, дипломатический иммунитет.

Гражданин советской страны В. А. Губичев приехал в Нью-Йорк по дипломатическому паспорту, выданному американским посольством в Москве 24 июня 1946 года. В этом официальном документе было с исчерпывающей ясностью советскими властями указано и американскими органами заведательствовано, что Губичев является сотрудником Организации Объединенных Наций и имеет дипломатический ранг третьего секретаря. Не вызвало и не могло вызывать сомнений, что такое положение должно было вполне обеспечить личную неприкосновенность Губичева как лица, имеющего дипломатический ранг и паспорт, заведательствованные компетентными органами СССР и США. По общепринятому порядку и по американскому закону, дипломатический персонал пользуется дипломатическим иммунитетом. На этом основании Губичев решительно возражал на суде против обвинения в нарушении уголовного закона и судейского беззакония. Выслушав возражения Губичева, нью-йоркский судья, как полагается приличному судье, сначала того размышлял, а затем после тяжелых мук решил следующее решение: Губичев в праве на дипломатический иммунитет отказывается.

Представитель несомненный интерес процесс, каким образом нью-йоркскому жрецу правосудия удалось отменить дипломатический иммунитет Губичева — вопреки бесспорным фактам и документам. Обращаемся к первоисточнику.

Решение нью-йоркского судьи, содержащее отказ в признании за Губичевым права на иммунитет, пространно и витиевато. В нем есть многочисленные ссылки на судебные прецеденты и научные авторитеты. Оно, как старомодная диссертация, полно споров и примечаний. Но в этом ворохе слов и чужих слов, содержащихся в судебном решении, можно разыскать лишь весьма слабые следы того, что принято называть юридической аргументацией.

Впрочем, для нью-йоркского судьи и нет нужды в юридической аргументации. Это не юридическая аргументация, а юридическая бутылочка.

Действительно, вслед за историческим выбором и проявлением пресловутой «свободы инициативы». Не желаете быть гангстером или шулером, не верите в свой талант карикатуриста, — пожалуйста, можете стать шлюхом: для этого особого дарования не требуется, а заработок вам в нынешних условиях гарантирован.

Через всю страницу журнала огромный дактилоскопический отпечаток — совсем такой же, какой обычно снимают в полиции. «Что видишь ты на этом отпечатке?» — вопрошает надпись. И взору заинтересованного читателя в лабиринте запутанных линий руки предстает замалчивалась надпись: «Твое счастье». В чем же оно заключается, это счастье? В сыске, — откровенно поясняет «Институт прикладных наук», предлагающий руководство по обучению «розыскному делу».

Вот о чем, оказывается, говорят эти крикливые, многокрасочные объявления в американских массовых журналах, если только вдуматься в их подлинное, действительное содержание. В свете такого рода выводов все знание «процветающей Америки» рушится, как небесный, превращившийся в карточный домик!

«Рекламам следует писать самыми лучшими, яркими красками. Нужно, чтобы реклама схватила вас за нос издали, еще за милое от нее, и сразу привела, куда она хочет. Тогда она окупает деньги», — говорит в замечательном памфлете А. М. Горького американский миллионер.

Современные «хозяева жизни» в США придерживаются, как мы видим, тем же взглядам на рекламу. Объявления, приведенные нами, написаны действительными «самыми лучшими красками» из всех, какие имеются в распоряжении пропагандистов «американского образа жизни».

Но даже и с помощью «самых лучших красок» не удается заигрывать этот «образ жизни» и скрыть все те лишения и тяготы, какими он преврат для миллионов простых людей США.

А. ТРАЙНИН,
член-корреспондент Академии наук СССР

экскурсами и научными изысканиями в самом конце судебного решения незаслуженно скромно приоткрыл следующий тезис: «Государственный департамент уведомил, что обвиняемый (Губичев) не пользуется дипломатическим статусом. Это — политическое решение, которое суды не пересматривают».

Так вот, оказывается, где скрывается источник американского судейского восторга! Государственный департамент на свой лад разрешил вопрос об имунитете Губичева и предписал «независимому» американскому судье принять это решение к руководству, напомнив при этом жрецу американской юстиции о политическом значении этого решения. И судья в Нью-Йорке делает вид, что он действительно судья и что он действительно служит правосудию. На деле же господин Риффин служит не правосудию, а государственному департаменту. На деле он всего-навсего департаментский клерк, действующий по весьма распространенным в известных кругах приемам — «чего пшавить».

И конечно, приказы государственного департамента иначе, тот же судья с тем же усердием атакал бы в свое решение прецеденты иного типа, благо прецедентов этих в судебных архивах США видимо-невидимо — на все случаи жизни. Недаром полное собрание отчетов американских судов за один только год составляет 350 томов, десятки тысяч страниц, уснащенных параграфами, статьями, ссылками на военные законы и так называемые прецеденты, предназначенные, как известно из американской судебной практики, специально для того, чтобы запутать в конце концов людей, имеющих несчастье попасть в эти судейские руки. После этого — кто дерзнет допустить, что в США нет правосудия или что независимость американских судей берется под сомнение? Так, в результате координированных действий всех родов оружия — от полиции и юстиции до государственного департамента — пройден первый этап, и лишенный дипломатического иммунитета Губичев оказался на скамье подсудимых.

В каких же злодеяниях оказался заподозренный советский гражданин, если нормы американского национального права и нормы международного права были с такой легкостью отброшены в сторону, дабы расчистить Губичеву дорогу в суд и тюрьму? Американские власти решили обвинить Губичева в том, что он якобы получил какие-то не подлежащие оглашению документы от американской гражданки Коллон. Никаких доказательств этого обвинения суду представлено не было. Нельзя же принимать за доказательства лепет предвещивших перед судом сыщиков, призвавших к тому же, что они никогда не видели, чтобы Губичеву были переданы какие-либо документы, несмотря на усильную слежку за Губичевым и Коллон!

Все сыщики показали, что Коллон никаких документов при встрече Губичеву не передавала. В этих условиях зашпатель по делу Коллон адвокат Палмер счел необходимым осветить суду, видел ли на крайнем мере сам судья какие-либо документы, взятые у его подзащитной. Судья, которого отныне никто не упрекает в попытке лобовизательства, ответил, что таких документов он «не видел и видеть не желает». Комментарий, как говорится, излишен.

Единственный факт, который был подтвержден на суде и которого ни Губичев, ни Коллон не отрицают и не отрицают,

из ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ
Миллионы американских детей без школ

На страницах зарубежной буржуазной печати прославляются разрозненные факты, рисующие положение школ в капиталистических странах.

В США, этом бастионе реакции и мракобесия, состояние школьного дела, по словам гендиректора «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», «исключительно тяжело и наихудшее в истории Америки». 6 миллионов детей вообще остались без школ.

Политическая проверка «лояльности», проводимая сейчас с таким «размахом» по всей Америке, захватила и школы. Как сообщает прогрессивный американский бюллетень «Ин факт», в законодательном собрании штата Арканзас внесен даже законопроект, по которому все учащиеся в школах штата обязаны давать присягу о своей «непринадлежности к коммунистической партии». В противном случае, согласно новому закону, они должны быть исключены из школы.

По образу современных американских «культуртрегеров» действуют и их английские коллеги. В школах Англии до сих пор применяются телесные наказания «шлюхам», отказывающимся подвергнуться наказанию добровольно, должен быть наказан насильно, — заявил директор школы в Абердине. Техника этого дела, в изображении газеты «Санди экспресс», весьма проста: провинившийся ученик протягивает руку, по которой учитель наносит определенное число ударов.

В Руан-Сотвале, как и в других пунктах Франции, школьные занятия проводятся во «временных» бараках, служащих одновременно и жилищем для учителей.

«В этих бараках, где зимой холодно, летом невыносимо душно, где никогда нет солнца и нехватает воздуха, — заявляет «Либерасьон», — мы растим поколение людей губеркулезных, близорукых, с искривленными позвоночниками. Многие из этих детей живут со своими родителями в пещерах, ставших единственным убежищем людей, потерявших кров».

Главный редактор В. ЕРИМОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ГВАРДОВСКИЙ.

заключается в следующем: они были действительно знакомы. Но они, вероятно, никогда не поподерзали, что их знакомство — знакомство двух молодых людей — предстает такой интерес для государственного департамента, что, несмотря на всю его загруженность исполнением прямых обязанностей, он найдет все же время для вынесения «политических решений», облегчающих неблагоприятную задачу суда, взявшего руку над головами незначительных встретившихся молодых людей...

У простодушных скептиков способно возникнуть сомнение: как возможна организация беззаконного суда над дипломатическим представителем на основании того факта, что двое молодых людей, гражданин СССР и гражданка США, работая в разных учреждениях, осмелились встретиться друг с другом. Таким скептикам не бесполезно будет ознакомиться со следующими вопросами, поставленными на суде защитником Коллон свидетелем Фоули, представителем американской юстиции.

Защитник: «Считает ли свидетель Фоули, что лицо, гуляющее с русским пиджачиком в подворной деятельности?»

Судья, по предложению прокурора, торопливо устранил этот вопрос. Но вот другой вопрос защитника, вопрос, который был допущен судом и на который свидетель Фоули ответил.

Защитник: «Является ли всякий русский, находящийся в США, потенциальным врагом США?»

Фоули: «Возможно...»
Такова отравленная атмосфера, атмосфера злобы и вражды к СССР, которая сознательно насаждается поджигателями войны в порядке идеологической подготовки агрессии.

Этим политическим ядом пропитан весь процесс.

В стране всемогущего доллара весьма часты случаи освобождения обвиняемых по денежному залог. Нью-Йоркский судья распространял эти «милости» и на Губичева. Судья постановил изменить меру пресечения Губичеву, освободив его под залог в 100.000 долларов. Но кроме того праведный судья обязал Губичева не приближаться к портовым причалам, не вступать на борт пароходов, не посещать аэропорты и не садиться в самолет. Справедливости требует отметить, что обещать, дышать и ложиться спать Губичеву воспринято все же не было.

Однако со всеми этими запрещениями приключилось скоро на суде весьма поучительное происшествие. Дело Коллон слушается отдельно, не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне. Губичева прокурора намерена вызвать свидетелем по делу Коллон. Но, ограниченный судом в праве передвижения, Губичев не может появиться в Нью-Йорке. Тогда судья, угрожая Губичеву новым заключением в тюрьму, потребовал, чтобы он согласился на снятие с него запрета передвижения. Это было весьма своеобразное «милосердие», осуществленное судом в принудительном порядке вопреки желанию ограниченного в правах подсудимого...

«Дело Губичева» еще не кончено. Судья и снова агенты Федеральной разведки США выискивают сфабрикованные или по заказу их провозителей «дело Губичева», подлинный смысл которого ли для кого не может составлять секрета. Этот его смысл определен заранее подпольско-политическими властями. Этот процесс направляет на разжигание исхода шпioneвщины, чтобы отвлек общественное внимание в сторону от преступной деятельности сетателей ненависти между народами, поджигателей новой войны.

Французский министр в страхе перед Маяковским

В связи с девятнадцатой годовщиной смерти Маяковского французский писательница Эльза Триоле намеревалась прочитать в Сорбонском университете лекцию о жизни и творчестве великого советского поэта.

Ректор дал свое согласие на прочтение лекции в одной из университетских аудиторий, но министр просвещения Ивон Дельбос устроил а этом «государственную опасность» и категорически запретил лекцию без указания причин.

Мы уже сообщали не так давно о том, что командующий американскими оккупационными войсками в Западной Германии Клей наложил «сет» на распространение книг Маяковского в Бженин.

Ныне министр маршаллизованной Франции в угоду своим американским хозяевам без оглядки идет по стопам Клея. Страна правящая советская литература хозяевам нынешнего буржуазного мира и их лакеям!

В нескольких сторк

В портовом городе Портланд (штат Орегон, США) власти избрали новый способ «борьбы» со все растущей безработицей. По сообщению прогрессивного бюллетеня «Ин факт», у безработных, обрабатывавшихся за помощью, прежде всего снимают отпечатки пальцев, после чего им предлагают срочную, выехать из города.

Как сообщает прогрессивная американская газета «Пинс уорлд», гоминдановские власти в Кингоне запретили обильность сиденья автомобиля и «блеск рации красной материей, так как это дает коммунистический коммунизм». Неудовольствие этому распоряжению отдаются под суд.

Английская реакционная газета «Дейли мейл» сообщает из Парижа об «операциях» шлюхам, спекулянтам, распропагандированных на черном рынке оборудование французской «линии Маяковский».

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция выражает благодарность артистам, принявшим участие в вечеру, посвященном 20-летию «Литературной газеты»: О. Абдулов, В. Хенкин, Р. Платт, Г. Кириллов, Р. Зеленин, В. Крыжовник, А. Песчаный, Р. Скорняк, А. Шуров, Н. Рыжович, Я. Чернышков, П. Никитин, В. Горышников, комсомолу К. Молчанову.

За рекламной шумихой

В капиталистической Америке можно продать и купить форварда модной футбольной команды, бронированный автомобиль для гангстерского хозяйства, живое человеческое ухо для пересадки, журнал вместе со всей редакцией, место в сенате, продать собственные и купить чужие убеждения.

Для тех, кто законы коммерции считает законами жизни, реклама, естественно, является «важной движущей силой». Немудрено, что с особым неистовством рекламируется так называемый «американский образ жизни».

Заглянем в пухлые разделы объявлений, занимающие в американских журналах иногда больше половины их объема. Это территория коммерческой рекламы, витрина бизнеса.

Разумеется, всякого рода упоминаниям об имеющейся в США безработице и нищенском существовании миллионов трудящихся доступ на страницы американских журналов страшно запрещен. И всякий взор невольно падает на такое объявление:

«Хотите получить работу? Наша психологическая система ускорит ваше продвижение с помощью необычайной стратегии. Цена один доллар», — обращается к читателю какая-то фирма. Рядом с ней другие бизнесмены также всего за один доллар предлагают всем желающим справочник «Карманный миллионер», на 112 страницах которого описаны 1269 способов «найти средства к существованию!» Объявления явно мошеннические, но пооявление их более чем симптоматично. Они порождены действительностью, спросом: кто же из миллионов людей, не имеющих работы, удержится от того, чтобы не

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-й Об庸енский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.